

ВОЙНА ОКОНЧЕНА!»

жа солдатские койки. На столах недопитые бутылки с вином, горы окурков.

Спускаемся ниже, в штабной отсек. Тут что ни кабинет, то очередной самоубийца. Запомнился почему-то один грузный, брюхатый старик с двойным подбородком. Лежит навзничь на голубом ковре перед письменным столом. В парадном мундире штурмовика, при всех орденах и регалиях. Зубы стиснуты, а на синих губах — мелкие осколки стекла. Раздавил, видно, ампулу с ядом.

Наконец добираемся до личных покоев Гитлера. Это отдельная секция, две или три комнаты. Входная дверь заперта и опечатана. У двери часовой. Не гитлеровский, разумеется, — наш. Рослый автоматчик с гвардейским значком.

Электрическое освещение действует в подземелье нормально, как будто ничего и не случилось. Зато явная неполадка с подачей воздуха. Духотища, нечем дышать. К тому же тоскливо и неинтересно. И хочется поскорее выбраться наверх, на свежий воздух. Бог с ним, с логовом загнанного зверя, не на что тут глядеть!

«Пойдем, поищем, где тут у них Рейхстаг», — предлагает редактор, когда мы вылетаем из ямы.

***

А Рейхстаг — вот он, совсем рядышком. Огромное здание с куполом. На верхотуре полощется алое знамя. Самоходки выстроены в ряд. А водителей не видно, понятное дело — отлучились. И конечно, невероятное обилие фотокамер. Шелкают друг друга, чтобы вышло непременно на «фоне». Кто-то, забравшись на крышу, салютует ракетами.

Но главное и наиважнейшее занятие возле Рейхстага — это оставление автографов. Пишут прямо на закопченных стенах, царапают гвоздем, куском угля, кусочком школьного мела, невесть откуда раздобытым. Автографы самые разные: коротенькие и, как говорится, развернутые, лозунговые и философские.

— Это следовало бы сфотографировать, — говорит редактор, снимая с плеча свою «лейку». — Такого дважды в жизни не увидишь.

Аппарата у меня нет, я переписываю автографы в блокнот:

«От стен Ленинграда допер до Берлина. С приветом Герасим Светликов».

«Рейхстаг пал. Кремль стоял, стоит и стоять будет вечно. Москвич Овчинников».

«Наша взяла. Волга — Берлин. Сальников, Иванчук, Овечкин».

«Правое дело победило. Сушко, ст. сержант».

На обратном пути проезжаем мимо колоссального здания министерства авиации и Темпельгофского аэродрома. И то и другое действительно грандиозно.

В общем, Берлин производит впечатление, хотя и лежит в развалинах.

— Ничего себе, славный городишко, — как сказал флегматичный Спиридон.

Уже смеркается, когда мы выезжаем из Берлина на

На ступенях рейхсканцелярии. Фото М. Редькина.

Победители и побежденные. 3 мая 1945 г. Фото А. Цыганова.

свою автостраду. Едем молча. Столько впечатлений за день, что ни о чем не хочется говорить.

5 МАЯ 1945 ГОДА

Все, все состоялось! Берлин уже взят, и несколько встреч с союзниками. И Гитлер с Геббельсом мертвы... И новый переезд, на этот раз километров на девяносто, аж под самый Дрезден. Стоим километрах в двадцати от Эльбы, скоро рванем до самой Праги, говорят.

Лента войны докручивается с сумасшедшей скоростью. Осенью 1942 года под Ленинградом мы тратили долгие недели, чтобы отвоевать какую-нибудь сотню метров топких синявинских торфяников, а теперь наши машины сжигают в день по две заправки бензина.

8 МАЯ 1945 ГОДА

Незабываем был последний день войны. Он надолго врежется в память каждого фронтовика, день, когда выглянуло наконец и засияло во всем своем великолепии ослепительное солнце Победы.

Есть новости, которые распространяются быстрее радио. Должно быть, еще приземлялись самолеты на Темпельгофском аэродроме, еще не высохли чернила на официальном акте, еще произносил Жуков свою знаменитую фразу, заставляя Кейтеля подойти к своему столу, а в войсках уже разносилось:

— Германия капитулировала!

Было часов девять утра. Измученные длинным переходом, мы подъезжали к селу Кольмит. В это время вернулся командир дивизиона и сообщил, что какой-то проезжавший офицер сказал, будто Германия капитулировала.

Что-то дрогнуло в сердце, как тогда, в первый день войны.

— Неужели? Неужели дожили до такого дня?

Никто не подтверждал эту новость официально, но никто и не отвергал ее. В течение дня я беседовал со многими офицерами и солдатами. Все были возбуждены. Переспрашивали друг друга. Каждый час рождались все более сенсационные новости. Все чего-то ждали...

С полдня начала усиленно работать наша авиация. Все небо гудело. Шли девятками, полками. Немецкие белокурые мальчишки, задрав головы, считали: айн, цвайн, драй. Появление авиации тоже подтверждало эту новость. Неспроста же так усиленно работают: последние часы...

Весь этот день я мотался как угорелый, пытаюсь получить достоверные данные. Но никто не мог сказать мне ничего определенного. Рассказывали, что приехал член Военного совета и якобы поздравил генералов. Говорили, что кто-то слушал лондонское радио. Вдобавок пошли слухи, что капитулировал гарнизон Дрездена и взята Прага, от которой мы были еще в сотне километров.

Чтобы узнать определенно, поздно вечером я подался в редакцию дивизионной газеты. С великими трудностями добрался, но там меня ждало разочарование.

Был первый час. Спокойнейший из газетчиков, секретарь редакции сообщил, что переданы три приказа Ста-

лина и, стало быть, никаких внеочередных сообщений сегодня уже не будет.

Плюнув с досады, я завалился спать.

9 МАЯ 1945 ГОДА

И все-таки — война окончена!

В три часа ночи разбудили.

— На, читай!

Спросенок ничего не могу разобрать. Акт о капитуляции Германии, подписи: Кейтель, Жуков, Теддер. Наконец дошло!

Значит, конец! В зобу, как говорится, дыханье сперло!

Рано утром с первыми отгисками выехал в полки. Не отъехали и пары километров, как застряли в пробке. Страшное столпотворение, обозы, машины, артиллерия, пехота. Все в красных флагах. И вдруг целая пальба открылась, будто бой идет. Из револьверов, автоматов, винтовок — у кого что есть — все палят в воздух, крики «ура!», объятия, поцелуи, возбужденный блеск глаз. Сумрачные усталые солдаты наши будто преобразились: каждый смеется, шутит.

С трудом пробилась сквозь эту необычную пробку. Газеты вырывали из рук. Какой-то комбат по заповорожскому обычаю поставил перед собой ведро с горилкой и по очереди угощал своих солдат. Те с удовольствием подходили, кричали, смущенно улыбались. Будьте спокойны, такого комбата никогда не забудут!

***

...Такова уж доля газетчика, особенно если у него беспокойный характер. В первый же день мирной жизни мне пришлось вдоволь хватить мытарств, чтобы попасть в свою редакцию. Машины своей не было. К тому же неизвестно, где редакция. Долго стояли с Кругляковым на перекрестке, пыльные, голодные. Мимо все шли тяжелые, груженные машины, а навстречу им — немцы. Один особенно запомнился: лысый, босиком, во рту сигара, за плечами рюкзак. Подошел к регулировщице и деловито так осведомился:

— Как пройти на Дрезден?

Регулировщики — ко всему привычный народ. Поставь его в Нью-Йорке где-нибудь на Бродвее управлять уличным движением, он и там не растеряется — будто всю жизнь на этом деле пробыл. Не удивило регулировщицу и обращение немца. Молча, рукой она показала фриту дорогу. Тот пыхнул сигарой и поплелся дальше.

Вечером прикатили аж на танке в редакцию. Только умылся, как первая приятность: в девять часов вечера выступал по радио Сталин. Речь очень маленькая и очень простая — не в пример тому, что было 3 июля 1941 года.

Слушали, аж готовы были съесть глазами приемник. Заклочительное: с победой, дорогие мои соотечественники и соотечественницы! — прозвучало как знаменательный итог, плод четырехлетних страданий народа и каждого из нас.

9 мая был нашим последним днем в Германии...